

Илья Муромец и Сокольник

Недалеко от города от Киева
Тут стояли на заставы богатыри:
Во-первых, стоял казак да Илья Муромець,
Во-вторых, Дунай да сын Ивановиць,
Во-третьих, стоял Добрынюшка Никитиць,
Во-четвертых-то, Олешенька Поповиць.
По утру раным-ранешинько,
По восходу было красна солнышка,
Выходил Илья Муромець вон на улицу,
Смотрел он во все стороны в трубочку подзорную.
«У нас все же-де во поле по-старому,
А в зеленых у нас лугах не по-прежнему —
Как заехал к нам удалый добрый молодець,
Уж он топчет нашу травоньку шелковую
И ломат он наши яблони кудрявые.
Конь-ёт под ним вот, как лютой змей,
Сам он на коне-то, как лютой зверь.
У его же три утехи, три великие:
Впереди его бежит черной медведь,
Позади его бежит борзой выжлочек,
На правом плече воробей сидит.
Со своими он утехами потешается».
Заходил тут Илья да во белой шатёр,
Говорил он тут Олешеньки Поповицю:
«Поезжай-ко ты, Олешенька Поповицев,
Поезжай-ко ты к удалу добру молодцу,
С прашивай-ко ты удала добра молодца,
Которого он города, коей земли,
Он которого отца, коей матушки».
Поехал Олешенька Поповицев,
Он поехал к удалу добру молодцу.
Доезжает тут Олеша в зелены сады,
Заревел Олеша громким голосом:
«Ах ты блядь, ты ворона пустопёрая,
Зачем ты залетела не спрósя в зелены сады

И мнешь нашу травоньку шелковую,
И ломашь наши яблони кудрявые?»
Заревел тут Сокольник громким голосом —
И падат у Олёши конь набокочь.
Подъезжает тут удалый добрый молодець
[Ко тому ли ко Олёши ко Поповичу],
Схватил он тут Олёшу за русы кудри,
Сбросил он Олёшу на сыру землю,
Наклескал его по жопе по-робецьему,
Приговариват удалый добрый молодець:
«Возьму я Илью к себе в прикашчики,
Возьму я Дуная к себе в писари,
А Добрыню я возьму к себе в конюхи,
А тебя, Олёшу, — чашки-ложки мыть».
Поехал Олёша ко белым шатрам,
Говорит тут Олёша Илье Муромцю:
«Не сказыват удалый добрый молодець,
Не сказыват ни родины, ни óтчины,
Тебя, Илью, он хочет взять в прикашчики,
Дуная-то взять к себе в писари,
Добрыню-то взять к себе в конюхи,
А меня, Олёшу, — чашки-ложки мыть».
Это слово Ильи за беду сталó,
За беду, за досаду показалось.
Выходил старой тут на улицу,
Прикликал он к себе коня доброго,
Седлал он, уздал коня доброго:
Седлает Илья седло черкасское,
Подстегиват двенадцать подпруг шелковых,
Тринадцату кладет чересхребетную,
Не ради басы — да ради крепости,
Ради прелести лошадиной,
Не оставил бы меня добрый конь во чистóм поле.
Берет он с собой палицю буёвую,
Берет с собой копейцё бурзومهцькое,
Берет он с собой саблю вострую.
Отправлялся Илья к добру молодцю.
Подъезжает к добру молодцю, недалече уж.
Отпускает удалый добрый молодець

От себя три утечи три великие:
«Едет, — говорит, — собака ярыжлива,
Надо будет с ним поотведаться».
Заревел Илья громким голосом:
«Эй ты, удалый добрый молодець,
Ты какого городу, какой земли,
Какого отца, какой матушки?»
Заревел тут Сокольник громким голосом —
Падат у Ильи конь набкорочь.
Бьет Илья коня по тучным ребрам:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок,
Не слышал ли ты крыку богатырского,
Не слышал ли ты шипу соловьиного?»
Разъехались удалы добры молодцы
(на друг дружку),
Палицами буёвыми билися.
Долго ли бились, коротко ли —
Палки в руках загорелися,
Никоей никоего не ранили,
Не ранили, не окровавили.
Кололися они копьями вострыма —
По насадкам копья извернулись,
Никоей никоего не ранили,
Не ранили, не окровавили.
Секлись они саблями вострыма —
Все сабли у них исчербились
(друг о дружку),
[Никоей никоего не ранили,
Не ранили, не окровавили.]
Сбились они со добрых коней,
Схватились крепким боем врукопашную.
Долго ли билися, коротко ли —
Никоей никоего не ранили,
Не ранили, не окровавили.
У Ильи нога права подвернулася
(как-то),
И бросил Сокольник Илью на сыру землю,
Садился Сокольник на белы груди,
Вынимает из кинжалища булатен нож,

Расстегивает пуговицы вальячные,
Разворачивает латы булатные.
Взмолился Илья Божьей матери:
«Стоял я за веру православную
[И за дом Божьей матери],
А теперь доставаюсь на поруганье
Идолищу поганому!»
У Ильи вдвое силы прибыло,
И сбросил Сокольника со могучих плечь,
И сел ему на белые груди,
Вынимает из кинжалища булатен нож,
Расстегивает пуговицы вальячные,
Разворачивает латы булатные,
Заносит нож во первой након,
Хочет пороть груди белые,
Смотреть на его ретиво сердце —
В заведи рука остоялася.
И спрашивает удала добра молодца:
«Ах ты, удалый добрый молодец,
Какого ты города, какой земли,
Какого отца, какой матушки?»
Говорил тут Сокольник таковы слова:
«Я сидел бы у тебя на белых грудях,
Смотрел бы у тебя ретиво сердцё,
Не спрашивал бы ни родины, ни отчины».
Занес Илья нож во второй након —
В локтю рука остоялася.
[Спрашивает Илья добра молодца:
«Ах ты, удалый добрый молодец,
Какого ты города, какой земли,
Какого отца, какой матушки?»
Говорит тут Сокольник таковы слова:
«Я сидел бы у тебя на белых грудях,
Смотрел бы у тебя ретиво сердце,
Не спрашивал бы ни родины, ни отчины».]
Занес Илья нож во третей након —
В плече рука остоялася.
(Опять не может убить!)
Спрашивает Илья добра молодца:

«Что ты, удалый добрый молодец,
Какого ты города, какой земли,
Которого отца, коей матушки?»
Говорит тут удалый добрый молодец:
«От того же я от моря, моря синего,
От того же я от камня от Латыря,
От тоей паленици приудалыя,
Я от матушки от Латыгорки».
Говорил тут Илья Муромец:
[«Был я у камня у Латыря,]
Был я у матушки Латыгорки,
Жил я там ровно три месяца.
Видно, ты будешь мне сын, а я — твой отец».
Встал тут Илья со белых грудей,
Взял он его за белы руки,
Встали они на резвы ноги
(поцеловались!),
Разъезжались да распрощались.
Поехал Илья во белы шатры,
А Сокольник поехал к родной матушке.
Приехал Сокольник к родной матушке,
Спрашивает мать его родимая:
«Не видал ли, говорит, старого на́ поли?»
[Говорит тут Сокольник таковы слова:]
«Видал, грит, собаку ярыжливу,
Тебя зовет блядью, меня выблядком».
Бросил мать о середу кирпичату,
На одну ногу стал, за другу розорвал.
(А самому 12 лет, — непобедимый был.)
Поехал он назад к Илье Муромцю,
Натягиват он свой тугой лук,
Кладет он туда калену стрелу,
И сам ко стрелы приговариват:
«Не падай ты ни на воду, ни на гору,
А падай Ильи во белы груди,
Разбей ему груди белые,
Сомешай ему кровь со печенью!»
Разлетелася стрела во белы шатры
И пала Ильи во белы груди,

А пала ему в крест серебряной,
Крест серебряной в полтора пуда.
Стрела Илью когда хлопнула,
Выскакивал Илья вон на улицу
В одних чулочках, без чоботов,
В одной рубашке, без пояса.
Наехал Сокольник по белым шатрам
Илью посмотреть еще мертвого.
Схватились они с Ильей Муромцем,
И тут Сокольнику и смерть пришла.

(Сокольник в кое время ездил к матери, а Илья-то отдохнул.)

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: в начале 1938 г., д. Голубково Нарьян-Марского р-на
— от Маркова Игнатия Терентьевича, 80 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.